

УДК [2+001] : 130.122

РЕЛИГИЯ И НАУКА В ДУХОВНОМ ОСВОЕНИИ МИРА

Н. Н. Чурсин

Рассматриваются взаимоотношения религии и науки в познании окружающего мира. Анализируются их общие и особенные черты как информационных систем. Характеризуется роль науки и религии как инструментов выживания человечества. Отмечается недостаточность науки, подчеркивается необходимость приоритета духовных ценностей в жизни и познании, учета как научных, так и религиозных представлений в формировании адекватного современности мировоззрения.

Ключевые слова: религия, наука, взаимоотношения, познание, духовное познание, мировоззрение

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами. Обсуждение отношений религии и науки и их роли в судьбах человечества начнем с констатации очевидного и тем не менее удивительного факта: именно теперь, когда человек, казалось бы, достиг небывалого могущества, став хозяином планеты и доказав свою полную самостоятельность в определении собственной судьбы, – именно в это время ощущается новый импульс потребности людей в религии, вере. Потребность эта нуждается в научном осмыслении, поскольку обыденное сознание, являвшееся когда-то опорой веры, а позднее – опорой атеизма, не дает ей убедительного объяснения. Взаимоотношения религии и науки, будучи объектом научного анализа, формируют и соответствующую научную проблематику. Ее разработка имеет большое значение для практики и научного, и религиозного освоения мира, формирования его непротиворечивой картины.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых положено начало решению данной проблемы и на которые опирается автор. Исследованию взаимоотношений религии и науки посвятили свои труды много выдающихся мыслителей, перечислить которых в рамках статьи не представляется возможным. Упомянем здесь лишь Ф.Аквинского, Ж.Маритена, П.Флоренского, Н.Бердяева, Ортеги-и-Гассета, Ю.Шрейдера, М.Жутикова, В.Кутырева, Л.Перловского, оказавших наибольшее влияние на формирование научной позиции автора.

Выделение нерешенных прежде частей общей проблемы, которым посвящается статья. В общей проблеме взаимоотношения науки и религии в постижении мира остаются недостаточно освещенными важные аспекты, относящиеся к достоинствам и ограничениям присущих им познавательных средств. Особенно важным остается раскрытие недостаточности только научного познания и необходимости духовного освоения мира в современных условиях информационного общества.

Формулирование целей статьи. Целью настоящей работы является раскрытие общего и особенного в религии и науке, обоснование недостаточности науки, научного познания в познании мира, в котором мы живем, важности духовного его освоения.

Изложение основного материала исследования. Что же служило причиной противостояния науки и религии, с определенного исторического момента принявшего характер антагонизма, а теперь, кажется, – терпимого соседства?

В качестве отправной точки в анализе взаимоотношений религии и науки согласимся с тем, что и религия, и наука представляют собой системы знаний людей о внешнем мире и о человечестве как составной части мира. Знаний, которые следует использовать для сохранения, выживания каждого отдельного человека и всего человеческого вида.

Это несомненно то *общее*, что присуще и религии, и науке. При этом в поиске того *особенного*, что им свойственно, оказывается бесперспективным акцентировать, как это часто делается, различия веры и знания. Вера и знание в той или иной мере присутствуют и в религии, и в науке. Кибернетический подход позволяет понимать веру как специфическим образом (например, на основе вероятностных моделей) доказываемое и проверяемое знание, а знание – как систему утверждений, которым можно верить. Вера и знание, таким образом, не только связаны уже в собственных определениях, но тесно переплетены в процессе познания. В частности, Ньютон, творец первой научной картины мира, был глубоко верующим человеком. «Большинство современных исследователей ньютоновского учения и его социокультурного контекста полагают, что Ньютон вовсе не имел в виду доказать, что в мире господствует механическая закономерность. Наоборот, он хотел показать, как мудро бог устроил мир, как могущество творца проявляется в красоте и гармонии мирового порядка» [1, с. 137]. Существуют примеры и иного рода, когда вера выступает средством научного познания. Так, Д.Бруно был приговорен судом инквизиции к сожжению. То, что Бруно принял мученический венец, причем «...не из мечтательного энтузиазма, не из упорства, порожденного моментом, а после длительного преодоления

своего сопротивления, – признак подлинной веры, уверенности в истине, которую я не могу доказать так, как при научном познании конечных вещей» [2, с. 421-422]. Знание и вера, как видим, присущи и религии, и науке, хотя и в разной степени.

Противопоставление науки и религии как систем знаний, следовательно, имеет свои пределы, поскольку и религия, и наука на протяжении столетий служили постижению человеком мира, в котором он живет, и на обозримых этапах своей истории познавательная деятельность включала в себя одновременно как научные, так и религиозные аспекты. Хотя бы уже потому, что, например, научная деятельность имеющая целью познание законов природы и общества, прежде всего требует веры в то, что эти законы существуют. С другой стороны, теоретики религии часто прибегали к таким методам, аргументам и доказательствам в своих учениях, которые впоследствии оформились как именно научные. Это, в частности, дедукция, логика, анализ текста. Как системы знаний, и религия, и наука всегда стремились к системности, целостности, завершенности, внутренней непротиворечивости, достигаемых на уровне мировоззрения.

Суть отличий между религией и наукой и причины их противостояния поэтому следует искать в другом.

Прежде всего, в направленности познания, задаваемой мировоззрением, в способе поиска, отбора и обобщения информации в процессе познания, иными словами, в функционировании религии и науки как *информационных систем*.

Религиозное мировоззрение как бы обобщает центростремительные силы, придающие человеческому познанию ориентацию на интересы и сохранение целого – человечества. Религиозное мировоззрение интравертно, оно ищет предел, конечную цель познавательных устремлений в духовной сфере. Обобщенную доктрину познания средневековья разработал Фома Аквинский, который, приводя к единому знаменателю многочисленные частные телеологические предписания к познанию, в качестве интегральной максимы выдвигал: «... созерцание творения должно иметь целью не удовлетворение суетной и преходящей жажды знания, но приближение к бессмертному и вечному» [3, с. 46].

Ко внешнему, материальному миру религия относится весьма консервативно. Весь внешний мир, согласно Библии, был создан Творцом раз и навсегда. Представления о внешнем мире в религиозном мировоззрении, таким образом, статичны, а познание направляется в духовную сферу, где объектом познания выступает Бог, отношение человека к Богу и к другим людям. Принципиальная недостижимость

Божественного совершенства делает единственно верным способом приближения к нему обозначение правильного поведения, пути в Царство Божие.

Религия устанавливает цель – абсолют, стремление к которому каждого отдельного человека обеспечивает наилучшие условия для сохранения человеческого вида. Кибернетическое, регулирующее назначение религии – формирование *сознания*, т.е. обобщенного, *совместного знания*, поддерживающего целостность общества. Именно такая направленность познания придавала человечеству необходимое в борьбе с силами природы единство, когда его взаимоотношения с внешним миром носили характер противостояния, борьбы.

В противоположность религии, наука обобщает присущие человеческому поведению центробежные силы, направленные вне целого, что придает человечеству характер открытой развивающейся системы. Научное мировоззрение экстравертно, объектом его познавательной активности выступает прежде всего внешний по отношению к человечеству материальный мир. Объективное существование последнего, законы, которым он подчиняется и которые не зависят от воли людей, должны были исключить влияние человека на результаты познания. Более того, такое исключение, являясь свидетельством истинности научного результата, стало, хотя бы на определенное время, существенным признаком научности.

Научное знание, т.е. знание, опираясь на личностные усилия, требует известной личностной свободы в познании. В том числе от навязываемых сознанием догм.

Науку и религию можно, вероятно, противопоставлять в той степени, в какой знание противопоставляется сознанию.

На определенном этапе общественного развития, а именно с обретением письменности и особенно книгопечатания, наука оказалась в благоприятных условиях для развития. Действительно, знания об окружающем материальном мире стало возможным накапливать, и они стали разрастаться, как снежный ком.

В то время, как религии письменность позволила прошлый опыт всех сделать достоянием каждого, наука получила возможность фиксировать личный опыт в познании и делать его достоянием всех. И здесь важным фактором стала специфика научного знания. Оно, в отличие от религиозного, было легко проверяемым, верифицируемым, его содержание было объективным, его часто можно было описать формально. Открывшаяся с появлением надежного носителя – печатного текста –

возможность эффективного фиксирования и распространения научных знаний обусловила их стремительный рост.

В историческом процессе научное познание и научно-технический прогресс поэтому стали играть центральную роль. Начиная с XV века преуспевание человека приобрело устойчивый характер. Последние столетия аграрной культуры, между 1400 и 1750 годами, человечество сумело увеличить производство продуктов питания и на этой основе добиться стабильного роста своей численности [4, с.181].

Очевидная и огромная практическая полезность научного знания на длительный период отодвинула на второй план, религиозное познание и дискредитировала, казалось бы навсегда, религиозное мировоззрение. Справедливости ради следует отметить, что резкое противодействие религии науке в середине тысячелетия объясняется не только обозначившейся противоположностью направленности познания, но, конечно, изменением социального статуса церкви. Здесь речь идет уже не столько о противостоянии мировоззрений, сколько о коренной ломке складывающихся тысячелетиями властных структур и утратой церковью значительной доли влияния на общество. «Сдвиг власти», – такой термин нашел для характеристики этого явления наш современник О.Тоффлер. Вместе с тем, открытия и лавиной хлынувшие на человечество технические новинки не могли не вызывать у определенной части общества ощущения дискомфорта, нарушения привычного устройства жизни. Сами по себе перемены отнюдь не всем казались благом.

Как подчеркивал великий гуманист А.Швейцер, «Прогресс еще не означает, что человек получил преимущества для своего развития. Благодаря власти, которую мы приобрели над силами природы, мы освобождаемся от нее и ставим ее себе на службу. Но одновременно мы отрываемся от природы и переходим в такие жизненные условия, неестественность которых таит в себе много опасностей. Силы природы мы ставим на службу машине. В одной из книг Чжуан-цзы рассказывается, что, когда ученик Конфуция увидел садовника, несущего воду для полива своих грядок, которую он каждый раз доставал из колодца, опускаясь в него вместе с сосудом, он спросил его, не хочет ли он облегчить свою работу. «Каким образом?» – спросил садовник. Ученик Конфуция ответил: «Надо взять деревянный рычаг, передний конец которого легче, а другой конец тяжелее. Тогда можно легко черпать воду из колодца. Такой колодец называется колодцем с журавлем». Садовник, который был мудрецом, сказал: «Я слышал, как мой учитель говорил, что если человек пользуется машиной, то он все свои дела выполняет, как машина. У того, кто выполняет свои дела, как машина, образуется машинное сердце. Тот же, у

кого в груди бьется машинное сердце, навсегда теряет чистую простоту». Опасности, о которых догадывался садовник еще в V веке до н.э., выросли в наше время до угрожающих размеров», – констатирует А.Швейцер [5, с. 231].

Современная нам почти абсолютная уверенность в необходимости прогресса, в обреченность человеческого общества следованию по пути прогресса, отождествляемого прежде всего с научным ростом, познанием внешнего материального мира, на самом деле превратилась почти в веру, в «научную догму». По умолчанию предполагается, что само развитие является неоспоримой человеческой ценностью, что все, что сдерживает прогресс или влияет на его темпы, должно быть человечеством преодолено и отвергнуто.

Интересно, что все то, что в религиозных учениях выходило за пределы со-знания, т.е., все, относящееся к устройству окружающего материального мира, подверглось научной ревизии. Религия как система знаний вынуждена была «сдать» науке множество ранее неприступных позиций. К ним можно отнести и сотворение мира за 6 дней (теперь ясно, что картина сотворения мира была, мягко говоря, не совсем такой), и отношение к регулированию рождаемости, где религия еще недавно занимала непримиримую позицию, а теперь вынуждена по крайней мере молчаливо признать необходимость такого регулирования... Ряд понятий, таких как «небесная твердь» и подобные, просто «прощаются» наукой религии, как прощаем мы неведение малым детям.

Казалось бы, подобные разоблачения должны были бы дискредитировать религию и способствовать распространению атеизма. Однако этого не произошло. Религия, отдавая позиции во «внешнем мире», тем не менее прекрасно удержала те, которые относятся к духовной сфере.

Священное Писание с кибернетических позиций стало прекрасным обобщением опыта выживания общества, регулятором поведения отдельного человека – элемента системы «человечество» – для сохранения, выживания всей системы в целом. Если бы кто-то задался целью изобрести некую машину управления поведением человека, чтобы она обеспечивала бы выживание всего общества в тех условиях, в которых человечество существовало на протяжении многих веков, то на самом общем уровне команды в такой машине, несомненно, имели бы вид заповедей Ветхого Завета. Действительно, каждая из заповедей имеет свой кибернетический подтекст, причем девять из десяти заповедей имеют негативную формулировку, исключая то, что запрещено. Например, «не укради», – заповедь, объективно обращающая человека к труду, поскольку ее нарушение разрушало стимулы к труду других членов общества, а

следовательно, наносило ущерб всему обществу. «Чти отца своего», – а от кого, как не от отца, человек мог получить столь важную для жизни информацию (у животных почти вся такая информация передается на генетическом уровне). Нарушение этой заповеди, опять-таки, наносило вред и отдельной личности, и всему обществу... Весьма существенно то, что заповеди Священного Писания, предписывающие человеку определенные правила поведения, касаются прежде всего не отношений человека к внешнему миру (природе), но отношений между людьми.

Само появление Библии можно рассматривать как огромной важности научный факт, состоящий в достижении обществом такой ступени развития, когда оказалось возможным существование (хранение и распространение) записанного во внешней памяти (в виде письменного текста) обобщенного опыта человечества. Отличие заповедей Священного Писания от научных законов состоит в том, что последние могут быть проверены опытным путем в реальном времени. Законы же, относящиеся к жизнедеятельности общества, охватывающие его духовную сферу и представленные в заповедях, могут обнаружить свою истинность лишь на протяжении длительного отрезка времени, измеряемого жизнью нескольких поколений. Да и к тому же их действие носит вероятностный характер. От этого эти законы не становятся менее точными или жесткими, но требуют веры – за невозможностью их доказательства в реальном времени.

Тем не менее в двадцатом веке расхожая точка зрения, сформированная научно-техническим прогрессом предыдущих столетий, состоит в противостоянии консервативности религии, с одной стороны, и постоянно опровергающей религиозные догмы всепроникающей активности «прогрессивной» науки – с другой.

«В 1769 г. мощность паровой машины Джеймса Уатта составляла около 5 лошадиных сил. В 1982 г. насчитывалось около двухсот атомных электростанций, поставляющих электроэнергию, общая мощность которого эквивалентна 200 млн. лошадиных сил. На этот период из восьми поколений приходится фантастическое, стремительное крещендо культурной эволюции.

Темпы ускорения, характерные для научно-технической культуры, нас глубоко озадачивают. Мы живем в гуще этого процесса ускорения; мы сами представляем собой этот процесс. Мы одновременно его источник и результат. Может быть, в это причина нашего полного непонимания этого происходящего с нами естественного явления и нашей неспособности его контролировать» [4, с.205]. «Мы попали в какой-то авантюрный сюжет, где с каждым шагом растет напряжение тайны и захватывающая

неизвестность. Причем действие развивается по нарастающей. Вдумаемся: мы живем в «новую эру», в «новое время» новой эры, в «новейший период» нового времени новой эры. Да и новейшее внутри себя уже несколько раз обновилось, только в языке нет сверхпревосходных степеней. Каждый год по насыщенности новизной едва ли не равен прежним столетиям. Если законы сюжетобразования примерно одинаковы во всех областях, то не означает ли такое убыстрение темпа приближения к развязке: в единицу времени происходит все больше и больше событий, пока не произойдет Все...», – пишет М.Эпштейн [6, с. 402-403].

Эта эпоха преобразований носит прежде всего разрушительный характер. Сегодня мы живем, ощущая невозможность найти нужную нам форму жизни. Мир предлагает нам теперь не много истинного и прочного, на что отдельный человек мог бы опереться в своем самосознании. Поэтому человек живет либо в состоянии глубокой неудовлетворенности собой, либо отказывается от самого себя, чтобы превратиться в функционирующую деталь машины, не размышляя, предаться своему витальному существованию, теряя свою индивидуальность, перспективу прошлого и будущего, и ограничиться узкой полоской настоящего, чтобы, изменяя самому себе, стать легко заменяемым и пригодным для любой поставленной передним цели, пребывать в плену раз и навсегда данных, непроверенных, неподвижных, недиалектических, легко сменяющих друг друга иллюзорных достоверностей [2, с. 115-116].

В настоящее время главная опасность состоит в следующем: если вся предшествующая история со всеми ее событиями лишь в незначительной степени затрагивала субстанцию человеческой природы, то теперь как будто сама эта субстанция пришла в движение, и опасность грозит ей самой в ее сокровенных глубинах. Зыбкость во всем заставила человека ответить на вопрос: что сделает он теперь на основе науки и техники со своим существованием, черпая силы в истоках своей сущности? [2, с. 145].

В середине уходящего тысячелетия стало ясным, что дальнейшее преуспевание человечества зависит прежде всего от науки. «Знание – сила», – провозгласил Ф.Бэкон, и пути религии и науки стали резко расходиться. Правильное понимание сущности этого расхождения чрезвычайно важно именно теперь. Знание действительно давало силу, подтверждая, что преуспевание человечества зависит далее именно от знания устройства внешнего по отношению к человечеству мира, и использования этого знания. Однако, вторая половина тысячелетия, ознаменовавшаяся бурным прогрессом науки и сделавшая человека безусловным хозяином на нашей планете, завершилась новым обострением

вопроса о выживании человечества. Обозначим «наиболее болезненные точки» современного состояния общества, ставшие результатом научной деятельности и накопления научных знаний.

1. Нарастание числа таких научных достижений, которые представляют прямую угрозу для человечества. К «классическому» фактору – открытию ядерной реакции и появлению атомной бомбы теперь добавились и другие глобальные факторы, основанные на достижениях в соответствующих частных науках: биологическое, генетическое, информационное оружие. Речь идет о возможности сознательного применения научных открытий в целях уничтожения человечества или нанесения ему «непоправимого ущерба».

2. Истощение природных ресурсов. Наука, приумножив возможности человека в использовании доступных природных ресурсов, быстро и уже теперь достаточно близко подвела человечество к пределам экстенсивного роста: это проявляется как в истощении природных запасов полезных ископаемых, очевидных ограничениях в производстве продуктов питания и энергоносителей, так и в ухудшении экологической ситуации на планете.

3. Утрата знаниями своей системности, целостности. Причина этого – в сверхспециализации современной науки, а также ее подчиненности экономическим факторам. В итоге в рамках отдельных частных направлений зачастую формируются знания, потенциальная опасность которых очевидна только с позиций других наук. Вследствие недостаточной внутренней связности, согласованности отдельных областей все здание современного знания постепенно становится все более опасным и грозит обрушиться под собственной тяжестью, т.е. в результате практического применения не до конца проверенных, осознанных в их взаимной согласованности и отдаленных последствиях научных результатов. Та же ситуация наблюдается и в культуре. Мы являемся свидетелями утраты культурой своей целостности, формирования, по определению А.Моля, «мозаичной культуры».

4. Стремительное возрастание влияние отдельной личности на судьбы человечества. В средние века отдельный человек не мог нанести сколь-нибудь заметный урон обществу. Но в информационную эру злоумышленник может, например, через Internet, натворить столько бед, что Герострат в сравнении с ним предстанет просто невинным шалунишкой... Теоретически уже теперь отдельно взятый «рядовой» миллиардер может располагать собственным ядерным арсеналом или другим глобальным оружием. С другой стороны, современный человек, приходя в этот мир, получает уже весь его комфорт в готовом виде, и ему кажется, что так было всегда. И ему трудно осознать всю хрупкость

благополучия цивилизованного мира. Отсюда и его капризность, амбициозность, беспечность, безответственность. Этот феномен хорошо описан Ортегой-и-Гассетом [7].

Все эти факторы, каждый из которых сам по себе достаточно опасен, действуют теперь в условиях нарастающего ускорения практически всех процессов, имеющих отношение к развитию человеческого общества. Это еще снижает надежность сохранения человечества как биологического вида, а с ним – всей ноосферы.

Отсюда следует нелицеприятный вывод, Развитие науки, во многом способствовавшее укреплению человеческого вида и его развитию, в настоящее время может стать причиной неисчислимых страданий.

И «...на грани грозящего уничтожения вся история переживается заново, в уже укороченных, смертельно сжатых пределах, куда спрессовываются десятки эпох и культур, сотни идей и стилей, чтобы озариться последним, всепроясняющим смыслом. Это экстремальный миг, спроецированный на шкалу исторического времени, может занять несколько десятилетий, отведенных человечеству, чтобы произвести экзистенциальный расчет с жизнью. При этом сам Конец, столь мощно организующий сейчас на новом уровне наше самосознание, может и не наступить, предвосхищенный нашей внутренней работой, – как выдержанное испытание, а не заслуженное возмездие» [6, с. 386].

Для науки эта спасительная внутренняя работа заключается в обращении к человеку, к поискам смысла, человеческого измерения во всем том, что делается в науке. Наука, словно морская волна о скалы, ударилась о бездуховность материального мира и откатилась назад, к привычной человеческой среде...

И вот: «...главный итог исследований последних десятилетий очевиден: «нейтральным» объективно истинное знание никогда не было и не могло быть. Это относится не только к социально-гуманитарному, но в полной мере к естественнонаучному знанию. Сегодня уже не вызывает сомнений, что в любом знании через индивидуально-ценностные отношения субъекта опосредуются социокультурные исторические отношения и внутринаучные логико-методологические ценности в конечном счете всегда детерминированы социальными потребностями и отражают культурно-исторические условия эпохи» [1, с. 133]. «Условия эпохи» настойчиво требуют дальнейшей гуманитаризации познания. Познание в сфере гуманитарного апеллирует не к природной сущности вещи, а к ее смыслу [8, с.80], «...объект гуманитарного знания образует не пространство эмпирически-фактуальных данностей, а пространство человеческих значений, ценностей, смыслов, возникающих при усвоении и

освоении культуры. В пределах гуманитарного знания мир задан человеку не вещно-натуралистическим, а духовно-смысловым образом как ценностная сущность, подлежащая пониманию и истолкованию» [Там же, с.81]. И все в науке теперь выглядит по-другому: «В сфере событийного, которое предопределяет судьбу человечества, реальность заключается в убеждениях людей, а не в существующих внешних фактах. Твердая почва под ногами дана нам в основанных на разуме идеалах. Хотим ли мы чтобы дух сделал нас способными создать новые условия бытия и вновь вернуться к культуре, или же нас устраивает перспектива по-прежнему черпать духовное из конкретной действительности и в результате неудержимо катиться навстречу гибели? Таков роковой вопрос, перед которым мы поставлены волею судеб... Подлинное чувство реальности заключается в осознании той непреложной истины, что мы лишь через основанные на разуме этические идеалы можем прийти к нормальным взаимоотношениям с действительностью. Только благодаря им человек и общество обретут такую власть над происходящими событиями, какою вообще могут обладать. Без них нам – что бы мы ни делали – никогда не вырваться из-под всеисильной власти событий» [5, с.64]. Еще одним шагом науки в гуманитарном направлении стало утверждение приоритетности ценностного аспекта в познании. «Ценностное отношение субъекта к объекту предполагает иную объективно складывающуюся диспозицию и установку субъекта: объект не только познается, но одновременно, и даже в первую очередь, оценивается. Включение оценки означает, что объект как таковой «сам по себе» не интересует субъекта; определение ценности происходит как соотнесение объекта с некоторым образцом (идеалом, эталоном, нормой) и установления степени соответствия этому образцу; образцы формируются в той или иной культуре и усваиваются субъектом в процессе его социализации. Таким образом, в ценностном отношении к объекту у субъекта иная цель, а факторы, которые обычно стремятся элиминировать в познавательном отношении, здесь становятся объективно необходимыми» [1, с. 116]. Это уже позиция, достаточно близкая к приведенному выше обобщению Фомы Аквинского. Впрочем, еще ближе к его познавательным установкам высказывание М.Эпштейна: «Пришла пора осознать, – пишет он, – что инструментальное отношение к мысли, так же, как и к природе, грозит саморазрушением человеку как мыслящему существу, *homo sapiens*. *Экология мышления* – это новая дисциплина разума, возникающая в зрелый период его развития, когда разум уже не может довольствоваться прикладной функцией жизнеустройства, но обнаруживает себя как самостоятельную и целостную реальность. Цель этой реальности – не в чем ином, как в ней самой. Еще

недавно это прозвучало бы кощунственно, если бы не горькие уроки, преподанные нам «прикладным» использованием природы. Для чего этот лес, эта река, эта травинка? Да для того же, для чего и человек, – само для себя. Вот и мышление открывается нам как самоценная потребность и чистая радость человеческого ума, прирожденная ему дыхательная способность. На этот счет замечательно сказано у Марка Аврелия: «Пора не только согласовать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли со всеобъемлющим разумом. Ибо разумная сила так же разлита и распространена повсюду для того, кто способен вбирать ее в себя, как сила воздуха для способного к дыханию» (Антология мировой философии в 4-х тт., Т.1, Ч.1, с. 523)» [6, с. 384]. И уж совсем созвучно Ф.Аквинату высказывание В.П.Зинченко: «Мысль до тех пор не может быть признана мыслью, пока она не будет содержать в себе, помимо себя самой, еще и мысли о вневременном смысле человеческого бытия» [9, с. 22-23].

Приведем, наконец, и высказывание Я.Берегового, вербализующее смысл того, что, возможно, чувствовали на протяжении многих веков верующие люди и что в конце концов является самым существенным в противостоянии религии и науки: «Бог запретил Адаму и Еве вкушать плоды с дерева познания добра и зла, содержащие в себе самые главные, сложные, потаенно-сокровенные знания бытия потому, что по уровню своего тогдашнего опыта, развития, сознания они еще не были способны разумно, ответственно, не во вред себе и окружающим распорядиться этими знаниями. Своим категорическим, под страхом смерти запретом Он предупредил их о самой грозной для них в этом мире опасности – когда знания опережают сознание! Жестоко, безжалостно наказав их, Он тем самым предупредил и все грядущее человечество о той же опасности как о главной причине возможного грядущего самоуничтожения, всеобщей гибели, попытался оградить, уберечь от нее. Это есть, очевидно, самое яркое свидетельство любви Бога-Творца к совершеннейшему Своему творению – к человеку» [10]. Несколько по-иному ту же мысль высказывает и П.Кууси, отмечая, что у человека развитие способностей получать информацию намного опередило формирование представлений о мире. «Познав законы природы, мы принялись использовать их в своих интересах, однако не сумели построить на их основе новую концепцию мира», – пишет он [4, с.83].

Выводы из данного исследования. Познавательная экспансия человечества во внешний материальный мир под знаменем науки была весьма стремительной; начавшись с модели приближения познающего субъекта к объективно существующей вне его истине (классическая модель науки), наука позднее должна была признать существенность роли

познающего субъекта, затем – все возрастающую необходимость оценочного знания и, наконец, приоритетность знаний о самом человеке и человечестве (сознания!) как необходимом условии выживания общества. Практически наука вернулась к познавательным установкам религии многовековой давности. Воистину, возвращение блудного сына...

Означает ли все это необходимость отказа от научного познания окружающего мира? Безусловно, нет. Но есть проблема соотношения познаваемого с духовными ценностями, так или иначе трансформирующаяся в проблему направленности познания. По мнению П. Кууси, человеку нужна новая концепция мира. «Единственное решение этой проблемы, – утверждает он, – состоит в создании нового представления о мире, новой информационной структуры» [4, с.83]. При этом «наука дает человеку возможность накапливать информацию и факты; религия позволяет обрести моральные ценности и цель в жизни. Даже если наука и не нуждается в Боге для объяснения законов природы, в нем нуждается человек, чтобы придать смысл своему существованию» [Там же, с.87].

Итак, путь, пройденный человечеством в науке, с научной же убедительностью приводит его в итоге к приоритету духовных ценностей в жизни, и познании, и этике как средству этим ценностям следовать. Как отмечает современный философ и теоретик религии Ю.А.Шрейдер, «духовные ценности выше материальных в силу их связи с бытием более совершенным, чем бытие материального мира. Именно поэтому этика ставит моральное благо выше любых естественных благ, имеющих в конечном счете материальный источник. Моральный закон может регулировать поступки лишь на основе приоритета духовного над материальным как принципа устройства действительности. Тем самым этика не может подчиняться экономике, а сознание – общественному (социально-экономическому) бытию. Признание противоположного означало бы отказ от приоритета духовных ценностей, что ведет к подавлению человеческой природы в угоду низшим инстинктам, на которые опираются многие идеологические фетиши...» [11, с. 59].

Отметим в заключение, что принятие духовных ценностей в качестве приоритетных совсем не лишает человека свободы или потребности в разуме, интеллекте. Напротив, «способность, регулирующая нравственную жизнь – это практический разум, оценивающий действие, которое следует осуществлять, а затем принимающий решение, которому воля может последовать или не последовать. Свободный выбор опирается на естественную руководящую способность разума. Выбор является вполне

человеческим и свободным, когда к нему подключены все интеллектуальные способности человека» [11, с. 107].

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. В своих научных экспериментах ученые, обращаясь к проверке той или иной гипотезы опытом, вольно или невольно избегали необходимости обращаться к Богу для их объяснения. Однако самый главный эксперимент – выживет ли человечество – возможно, слишком рискованно проводить без такого обращения...

Так или иначе, ни уму, ни душе не обойтись вполне без понятий, предполагающих бытие Бога [12, с.150]. И если в середине тысячелетия Ньютон верил, чтобы познать, то нашим современникам, если они не хотят быть последним поколением на планете, познание, видимо, должно дать веру.

В конце концов, может оказаться, что вся наука есть просто удобный способ не упоминать имя Господа всуе..

Литература

1. Диалектика познания. Компоненты, аспекты, уровни. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. – 168 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К.Ясперс / Пер. с нем. 2-е изд. – М. : Республика, 1994. – 527 с.
3. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. Гносеологический анализ / В.В.Ильин, А.Т.Калинин. – М. : Высшая школа, 1985. - 230 с.
4. Кууси П. Этот человеческий мир / П. Кууси / Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Э.А. Араб-Оглы. – М. : Прогресс, 1988. – 368 с.
5. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / А.Швейцер / Пер с нем. / Сост. и посл. А.А.Гусейнова; Общ. ред. А.А.Гусейнова и М.Г.Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
6. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX веков /М.Н. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. - 416 с.
7. Ортега-и-Гассет. Восстание масс / Ортега-и-Гассет //Вопросы философии, 1989. – № 4. – С.114-155.
8. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы /В.В.Ильин. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 168с.
9. Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании / В.П.Зинченко. – М. : Тривола, 1995. – 64с.
10. Береговой Я. Почему история ничему нас не учит, или за что Бог изгнал из рай Адама и Еву? / Я. Бреговой //Зеркало недели, 16 августа 1997. – С. 14.
11. Шрейдер Ю.А. Лекции по этике: Учебное пособие / Ю.А.Шрейдер. – М. : МИРОС, 1994. – 136 с.
12. Круглов А. Формулы / А.Круглов. – М. : Прометей, 1990. – 164 с.

РЕЛІГІЯ І НАУКА В ДУХОВНОМУ ОСВОЄННІ СВІТУ**М. М. Чурсін**

Розглядаються взаємовідносини релігії і науки в пізнанні навколишнього світу. Аналізуються їх загальні і особливі риси як інформаційних систем. Характеризується роль науки і релігії як інструментів виживання людства. Відзначається недостатність науки, наголошується на необхідності пріоритету духовних цінностей в житті і пізнанні, урахування як наукових, так і релігійних уявлень у формуванні адекватного сучасного світогляду.

Ключові слова: релігія, наука, взаємовідносини, пізнання, духовне пізнання, світогляд.

RELIGION AND SCIENCE IN SPIRITUAL MASTERING OF THE WORLD**M. M. Chursin**

The mutual relations of religion and science are examined in cognition of the surrounding world. Their general and special lines as information systems are analyzed. The role of science and religion as tools for the survival of mankind is characterized. The insufficiency of science is noted, the necessity of the priority of spiritual values in life and cognition, taking into account both scientific and religious ideas in the formation of an adequate modern world outlook is underlined.

Key words: Religion, science, mutual relations, cognition, spiritual cognition, world outlook.

Чурсін Микола Миколайович – доктор педагогічних наук, доцент, професор (за посадою) кафедри філософії, культурології та інформаційної діяльності Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Северодонецьк, Україна). E-mail: Chursin2n@i.ua

Chursin Mykola Mykolayovych – Doctor of Pedagogical Sciences (Ed.D), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Information Activity of Volodymyr Dahl East-Ukrainian National University (Severodonetsk, Ukraine). E-mail: Chursin2n@i.ua